

Литературная газ. - 2000. - 29
ГАСТРОЛИ марта. - с. 13.

«Молодой Давид» из Новосибирска

Тем, кто сумел попасть на показанный в рамках оперной программы фестиваля «Золотая маска» спектакль Новосибирского театра оперы и балета «Молодой Давид», по-настоящему повезло. Один из лучших оперных коллективов страны привез в Москву работу уникальную.

Афиши отечественных музыкальных театров удивительны своим единообразием. Четыре столетия истории оперы сводятся к двум десяткам «верняковых» названий, которые и призваны олицетворять накопленные богатства. Сверхрадикальным шагом до сих пор кажется обращение к операм Прокофьева и Шостаковича, а ведь от времени их создания нас отделяет уже полвека.

Театр из Новосибирска обратился к созданному совсем недавно произведению Владимира Кобекина. Эта постановка стала мировой премьерой. До этого «Молодой Давид» был представлен только в концертном исполнении на фестивале «Сакро Арт» в немецком городе Локкуме. Для Германии интерес к современной музыке (в том числе и российской) традиционен. Теперь «Молодой Давид» стал одним из немногих современных российских произведений, получивших известность за пределами Германии.

Сцена из спектакля «Молодой Давид»

Опера написана на либретто известного критика и поэта Алексея Парина. Сюжет ее воспроизводит историю библейского царя Давида. Но, конечно, вовсе не интерес к делам давно минувших дней влечет в зрительный зал любителей оперы. Си-

бирский «Давид» родился в России и дышит одним воздухом с нами, хотя и не пытается быть «за своего» в любой компании.

Неожиданности начинаются еще до спектакля – зрители рассажены на огромной сцене Театра Российской армии. Из всех московских площадок только это странное сооружение хоть в какой-то мере соответствует объему уникального по своим размерам театра в Новосибирске.

Часть действия происходит в темноте огромного зрительного зала. Оттуда появляется со своей песенкой пастух Давид. Там происходит его невидимый поединок с Голиафом. В темноту зала уходят на свой последний бой против филистимлян царь Саул и названный брат Давида Ионафан.

Можно сказать, что почти вся событийная часть творится где-то вдали. Перед нами же, как под увеличительным стеклом, души четырех главных героев: царя Иудеи Саула (Валерий Гильманов), его сына Ионафана и дочери Мелхолы (Лилия Устюжанина и Ольга Бабкина) и призванного стать новым царем молодого Давида (Виталий Ефанов). Все солисты прекрасно выдерживают сложное для большинства оперных певцов испытание близостью к зрителю. К тому же таким «укрупнением» достигается любопытный эффект – фигуры Давида и Саула кажутся исполинскими по сравнению с окружающими, и в этот момент в воздухе можно ощутить легкое дуновение древнего мифа.

И тут большая заслуга принадлежит режиссеру-постановщику спектакля. Решившись на постановку современного сочинения, директор Новосибирской оперы Валерий Егудин пошел в риск до конца и не стал страховать именем маститого постановщика. Он пригласил в театр молодого москвича Дмитрия Черныякова, имевшего на своем счету лишь несколько работ в различных драматических и музыкальных театрах. «Молодой Давид» открыл Черныякова как режиссера, владеющего современным сценическим языком, имеющего свое, индивидуальное видение театрального пространства.

Режиссер вместе с художником Игорем Гриневичем разрушили все привычные составляющие помпезного оперного зрелища и собрали из частей принципиально новую конструкцию. Дело вовсе не в том, что никому раньше не приходило в голову посадить зрителей на сцену, а хор разместить вверху, на колонниках. Для драматического театра это уже почти норма. Важно, что в данном случае это решение выглядит естественным и даже необходимым.

Главное, чем подкупает «Молодой Давид», – это общим направлением усилий создателей спектакля. Либретто Алексея Парина рассказывает нам одну историю, музыка Владимира Кобекина, как это всегда бывает, существует в другом измерении. Сценическое воплощение не сводится к иллюстрации текста или музыки. Но связь этих трех измерений не рвется – точно так же в геометрии три правильно выполненные проекции способны дать образ объемного тела. Вот этот объем и ощущается в спектакле новосибирцев. Здесь нет произвола одного художника по отношению к другому, чем часто грешит сегодняшний театр.

Собираясь слушать современную музыку, часто настраиваешься на сложную и, увы, часто неблагодарную работу по дешифровке авторских криптограмм. Музыка Кобекина обращена ко всем. Надо просто подчиниться ее медитативным повторам, причудливой ритмической игре. Превосходно, без помарок оркестр звучит под управлением опытного Алексея Людмилаина, а хор (хормейстер Вячеслав Подъяельский) уверенно справляется со своей непростой задачей – он вынужден петь практически «вслепую», без визуального контакта с главным дирижером.

Загорающийся в конце спектакля свет открывает перед нами весь зрительный зал. В Москве этот финал не был столь эффектен, как в Новосибирске, где перед зрителями предстал удивительный зал построенного во время войны театра. С оченной сложной аурой, одновременно притягательной и пугающей. Мы возвращаемся в наше время – жестокое, конечно. Но попробуйте-ка назвать время, которое было милосердным и жалостливым.

«Молодой Давид» нужен Новосибирскому театру – с общепотребительными названиями обязательно должны соседствовать работы экспериментальные. Он нужен городу – на последнем перед «Маской» спектакле зрительный зал был снова полон. Новосибирск недаром гордится своим высоким культурным уровнем. Он нужен и Москве – столица начинает забывать о самом факте существования современной оперы и несомненный московский успех «Молодого Давида», быть может, сумеет что-то изменить к лучшему. Он нужен самой опере, которая отнюдь не умерла.

Дмитрий АБАУЛИН